

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Артур Атанесян

Современная эпоха политических преобразований может быть охарактеризована как процесс перехода от авторитарно-тоталитарного к массовому политическому участию, ко все большему и активному включению широких слоев населения в процесс принятия решений. Формально это звучит как «партиципативное управление», или «демократическая форма политического участия», когда основным политическим субъектом становится народ. В действительности же народ не в состоянии управлять государством напрямую.

Демократизация и публичность политики: проблемы приспособления и воспроизводства политических элит

История свидетельствует о том, что попытки народа (масс) взять в свои руки бразды управления государством в основном ограничивались революционным беспределом, переделом и разбазариванием частной собственности (как это было во время бархатной революции в Киргизии). Однако затем стабилизация обстановки непременно связывается с делегированием народом своей бесполезно растрачиваемой власти нескольким представителям; те, в свою очередь, или наводят порядок в государстве и обществе, или же создают лишь видимость реформирования и наведения порядка, что позволяет им удерживаться у власти до некоторых пор, пока на их место не придут новые реформаторы. Именно поэтому на сегодня можно говорить лишь об одной, наиболее «работающей» форме демократии – о представительной демократии.

Суть данной формы демократии заключается в том, что народ представлен во власти определенными малыми группами интересов или отдельными лицами, говорящими и действующими «от имени и во имя народа». Таким образом, в условиях представительной демократии политическая элита призвана быть не самостоятельным политическим субъектом, а своего рода посредником между политическим механизмом и гражданами. Народ приводит в действие данный механизм при помощи тех, кого избрал в качестве «мастеров», с целью удовлетворения собственных потребностей и интересов (выясняется, что наиболее общие и важные интересы – как целостную систему – возможно защитить и реализовать именно и лишь при помо-

щи политического механизма). Это, кроме всего прочего, означает, что во власть должны избираться «мастера» своего дела, способные не только управлять политическим механизмом, но и поддерживать его в работоспособном состоянии, заботиться о нем, следить за его сохранностью, стабильностью функционирования и т.д. В этом, в частности, и заключается роль политических лидеров и участников.

Как видим, избрание отдельных людей во власть является как бы вынужденным средством, т.к. иначе народ не смог бы организованно участвовать в управлении страной. Однако в таком случае возникает проблема возможности и методов контроля обществом тех, кого оно избрало в качестве собственных представителей, иначе – «ищи ветра в поле».

Проблема контроля власти в демократических обществах проявляется в достаточно простых, на первый взгляд, способах, которые в реальности не так просто осуществить. Так, предполагается, что если депутат не оправдал доверия избирателей, то его в следующий раз не выберут. Данное положение достаточно логично: казалось бы, действительно, избиратель, мыслящий рационально, не ошибется во второй раз (как, например, в практическом маркетинге некачественный товар может быть куплен одним и тем же покупателем всего один раз: покупатель не склонен во второй раз брать то, что однажды не оправдало ожиданий качества). Однако, как показывает опыт «новоиспеченных» демократий стран СНГ, избиратель действует несколько иначе, чем рациональный покупатель, избирая во второй или даже в третий раз в парламент тех, кому не доверяет, причем хронически. В результате в парламенте вновь и вновь оказываются люди, дискредитировавшие себя, будучи депутатами прошлых созывов, во всяком случае, не проявившие себя как **народные** избранники и даже не пытавшиеся заслужить уважение избирателей. В конце концов, у избирателей возникает своеобразное привыкание к тому, что на экране телевизоров вновь и вновь появляются одни и те же лица, которые, казалось бы, после тех или иных дискредитирующих их событий не должны там больше появляться (предлагаем назвать данный феномен «эффектом Чубайса»). Люди просто перестают реагировать на это, в результате чего возникает ощущение, что политический выбор граждан с одной стороны, а власть и управление с другой – совершенно разные, независимые друг от друга вещи.

Опыт постсоветских демократий показывает, что **власть в демократизируемых обществах (при наличии всех формально необходимых механизмов формирования демократических органов власти) способна к самовоспроизводству не в меньшей степени, чем власть в монархических странах и тоталитарных государствах.** Народ, избиратели становятся в лучшем случае лишь

свидетелями того, как правящая партия воспроизводится путем «игры в демократию» – создания и полного контроля фиктивной оппозиции, формального изменения направленной на избирателя идеологии без изменения реального политического курса и т.д. Прозрачность выборов проявляется лишь в виде прозрачных урн для голосования, т.е. понимается буквально; простота и понятность политики в условиях демократии заменяется примитивизмом всех форм политического участия, в том числе на уровне элит.

Ангажированность демократических СМИ теперь уже также не вызывает сомнения. СМИ становятся механизмом воспроизводства «демократических» элит, а также механизмом самозащиты этих элит от общественных настроений: демократическая элита достаточно умна и подкована, чтобы напрямую противопоставляться народу и «подставляться» под его изменчивое настроение и капризы. Вместо себя демократическая политическая элита предлагает народу свои телеобразы, свои радиоголоса, текст о себе в прессе или сайт в интернете. Политика в СМИ – это чучело для битвы, загораживающее и выгораживающее собой политиков, позволяющее им полностью контролировать ситуацию, напрямую с ней не сталкиваясь.

Очередным формально-действующим механизмом народного контроля политики является возможность импичмента: если президент не оправдал себя, его можно лишит президентской власти на законной основе. Однако проблема заключается в том, что деятельность президента оценивается с точки зрения возможности импичмента парламентом страны, который, как было показано, может быть очень далек от народа. Иными словами, депутаты и президент могут оказаться «братьями по разуму и несчастью», что не отдаляет и разъединяет, а наоборот, сближает их. Импичмент в таких условиях невозможен в принципе.

Наконец, характерным механизмом контроля власти и политического участия масс в условиях представительной демократии является публичность политики, заключающаяся в том, что политики, прежде чем принять какое-либо важное решение, должны представить его на суд народа. Само требование публичности, массовости современной политики означает, что политические процессы должны быть открытыми, происходить «на публике».

Публичное обоснование решений становится механизмом политического контроля «снизу» и массового участия в принятии решений. Публичность политики и массовость политического участия и доверия становятся частью политической культуры. Граждане ждут от политиков новых решений, а политики готовы их публично обосновать. С.Запасник по этому поводу пишет: «Сегодня гораздо меньше внимания уделяется соответствию поли-

тических программ тем идеологическим целям, с которыми эти проблемы связаны, зато четко прослеживаются механизмы принятия решений. Американские избиратели, например, дважды оказывали поддержку Р.Рейгану, несмотря на то, что провозглашенные им программы были внутренне противоречивы... Карьера политика не зависит сегодня от обязательного выполнения программы, выдвинутой им в ходе предвыборной борьбы за власть. Она зависит от применяемой им техники информации, дискуссии и внушения, от его способности вызывать доверие у избирателей... В демократическом обществе, где воля избирателей выражается посредством голосования, как правило, проигрывают те политики, в отношении которых есть обоснованные подозрения в том, что они скрыли информацию о существовании альтернативных программ или предложений, а также о своих целях и предполагаемых трудностях в их реализации. И никогда не возвращаются к власти те политики, о которых стало известно, что они использовали технику внушения и оказания влияния, считающуюся у избирателей «манипуляторской»¹.

Действительно, современный (отечественный) электорат больше реагирует не на содержание политического обращения, а на его форму, на то, как будет представлено политиком то или иное решение. Причем, если в случае так называемых «традиционных демократий» подобный эффект убеждения граждан осуществляется благодаря применению сверхсовременных медиа-технологий, спичмейкерских навыков и кропотливого создания имиджа лидера, то в странах, где демократия только зарождается, непосредственный эффект и отдачу имеет уже сам факт того, что политик «снизошел» до толпы. Так, в большинстве стран СНГ политики вспоминают о гражданах лишь как об «избирателях», нужных им в качестве носителей голосов; один из российских политологов однажды прокомментировал современную ситуацию в наших странах как «оскорбительное обзывание людей словом «электорат»», что обретает важность лишь в преддверии очередных выборов. Армения в этом смысле не является исключением, скорее, очень характерным примером лишь формального, фиктивного отношения политической элиты к гражданам своей страны, которые в лучшем случае могут получить от политика предвыборную взятку – минимальную компенсацию за максимальные нарушения гражданских прав большинства меньшинством. Не сильно успокаивает то, что мы – не исключение.

На деле очень трудно разобраться в том, является ли обращение политика к народу с очередным законопроектом, инициативой или решением манипуляцией. Действительно, если рассматривать публичность политики с

¹ *Запасник С.*, Ложь в политике, *Философские науки*, № 8, 1991, с. 95.

точки зрения ее основной функции – контроля политиков массами, то можно сделать естественный и вполне логичный вывод: политики вынуждены отчитываться перед народом, в противном случае они бы этого не делали (многовековой опыт до-демократических режимов свидетельствует именно об этом).

Стало быть, современное явление публичности политики, публичное обоснование политиками собственных решений можно рассматривать как приспособительное поведение политических элит к тем «внешним» условиям функционирования, к которым пришло современное общество.

Однако если говорить о приспособлении политиков к новым условиям демократии (о преобладающем большинстве политиков стран СНГ следует говорить именно в данных терминах), то следует ожидать, что они будут пытаться создать себе наиболее благоприятные условия «жизнедеятельности» в рамках тех общих требований, которые предъявляет им новая формальная система. Поэтому следует также ожидать, что наиболее вероятной реакцией политиков на требование публичного контроля их деятельности будет их постоянное желание ослабить интенсивность этого контроля «снизу», чего можно достичь путем манипулирования массовым сознанием.

Если принять за основу определение социального манипулирования как «системы способов идеологического и социально-психологического воздействия с целью изменения мышления и поведения людей вопреки их интересам»¹, то следует логический вывод: современное явление и необходимость публичного обоснования политиками принимаемых решений в результате адаптации старой политической элиты к новым условиям становятся частью социально-политического манипулирования.

С другой стороны, публичность современной политики и принятия важнейших решений (в смысле необходимости их представления широким массам) предоставляет политическим лидерам реальную возможность «поделиться» своей личной ответственностью за принимаемое решение с народом. Иначе говоря, если монарх всецело отвечает за собственные решения, то демократический лидер отвечает за собственные решения постольку, поскольку является избранником народа: его ошибки являются ошибкой народа, его избравшего. Кроме того, получив поддержку народа в принятии того или иного решения или осуществления реформы, лидер делает граждан своей страны соучастниками данных действий. Это, кроме всего прочего, освобождает его от массового негодования, возмущения и недовольства в случае, если программа провалилась. А если к тому же учесть, что народ – категория

¹ Яценко Н., Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб, 1999.

весьма абстрактная и популистская, то отсюда непосредственно вытекает объяснение того, почему мы всегда пытаемся найти виноватых и почти никогда не находим. Разделение личной ответственности с народом весьма удобно и выгодно прежде всего демократическим лидерам.

Таким образом, **реалистичный подход к массовости современной политики и публичной политической риторике сводится к умению политика продемонстрировать народу те стороны решения, которые будут восприняты положительно.** Эта особенность делает публичный процесс преподнесения, обоснования принимаемого решения частью политических технологий, одним из этапов процесса принятия политических решений¹.

Политическая риторика: «внутреннее» и «внешнее» обоснование политики и политических решений

Необходимо отметить, что проблемы публичного политического дискурса, его эффективности, технологии манипулирования массовым сознанием в век господства массовых коммуникаций являются новой, очень перспективной областью исследований в политологии, социальной и политической психологии, социологии, конфликтологии². Как уже было показано выше, публичная сфера политики с ее массовостью, механизмами убеждения, технологиями преподнесения широким слоям населения является частью политической жизни, всеобщим политическим процессом, охватившим все те страны, где есть хоть какое-нибудь из средств массовой информации. Даже существование всего одной газеты (как правило, одна-единственная в государстве газета обязательно является официальной) свидетельствует о наличии политической риторики в массовой перспективе. Если же говорить об Интернете, то это революция в мире публичной политики, после появления которой мир начал двигаться в направлении гомогенности, т.е. интернет способствует уравниванию людей в информационном поле, в том числе в поле информационной политики, вне зависимости от их государственной, гражданской принадлежности. Таким образом, современная политическая риторика вышла за пределы государственных границ, охватив всех потребителей информации. Именно сегодня, как никогда, справедливо то, что **политика занялась народом**: никто не может избежать политической риторики, кричащей из телевизора, причем из всех телеканалов, даже музыкальных. Политическая риторика доносится из радиоканалов, которых сегодня огромное количество. Политические призывы в открытой или скры-

¹ Атанесян А., Обоснование в принятии политических решений. Ер., 2002.

² Атанесян А., Коммуникативные аспекты политических конфликтов. Ер., 2005.

той форме пестрят на страницах газет, даже «желтых». От политики сегодня некуда спрятаться даже тем, кто этого очень хочет.

Итак, одни хотят, другие вынуждены потреблять политическую риторику. Люди – вне зависимости от пола, возраста, национальной или религиозной принадлежности – становятся объектами политических обращений, призывов, обоснований, убеждений... Чтобы понять их механизмы, необходимо обратиться к теории.

Обоснование принимаемых решений, т.е. то, что мы ежечасно и ежеминутно слышим от политиков об их деятельности и решениях, составляет часть политического процесса, в ходе которого участники, принимая во внимание точки зрения заинтересованных субъектов, оценивают положительные и отрицательные стороны разных вариантов и выбирают какой-то один¹. По сути, обоснование представляет собой процесс оценки (с опорой на ценности) и выбора приемлемого (не обязательно наиболее технически рационального) варианта решения. Причем в пользу принятия решения могут выдвигаться и чисто прагматические, утилитарные, и психологические, эмоциональные аргументы. В подобных условиях сведение обоснования решений, например, к теории рационального выбора или к модели рационального актора, где предлагается идея рациональности любого выбора психически нормального человека², приводит к сильному упрощению, при котором несовместимые ценности (например, территориальная целостность государства и право народа на самоопределение) в качестве аргументов должны взаимоисключаться. В этом смысле рассмотрение процесса принятия политических решений с точки зрения необходимости их оценки и выбора, т.е. обоснования, выводит исследование на более емкий уровень, где не ставится принципиальная разница между тем, какой выбор следует считать рациональным, а какой – нет. Для признания решения обоснованным важно то, как субъект остановил на нем свой выбор, а также то, как ему удалось показать правильность своего выбора «внешним» участникам³.

По сути, целесообразность принимаемого решения оценивается в двух плоскостях, которые можно условно обозначить сферами «внутреннего» и «внешнего», или «публичного» обоснования.

Основания для такого деления следующие: а) прежде всего – сам про-

¹ Атанесян А., Обоснование в принятии политических решений. Ер., 2002.

² Сморгунев Л., Сравнительная политология. Теория и методология измерения демократии. СПб. 1999; Швери Р., Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? – Вопросы экономики, N7, 1997; Allison G., Zelikow Ph., Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. New York, 1999.

³ Атанесян А., Обоснование в принятии политических решений: подходы к проблеме. Человек-Сообщество-Управление (Журнал Кубанского госуниверситета), N4, 2003.

цесс принятия решения, где целесообразно выделять систему, принимающую решения (политическая система как единичный актор и как совокупность взаимодействующих политических единиц), и так называемую «внешнюю среду». Говоря о принятии конкретных решений, имеется в виду деятельность принимающей решения системы, ориентированной как «внутри себя», так и на определенную «внешнюю среду», будь то взаимоотношение между единичным политическим актором и политической системой, в которую он включен, или между собирательной, емкой системой политических акторов (например, государствами, неправительственными организациями, транснациональными компаниями) в системе международной политики, общества, человечества, природы как экосистемы. Взаимоотношение принимающей решения системы и среды выражено, например, в моделях политических систем Г.Алмонда и Д.Истона, а также в моделях, где принятие политических решений представляет собой результат взаимодействия по упрощенной схеме «импульс → действие», с тем лишь уточнением, что под принимающей решение системой следует понимать не только собирательного, институционального, но и индивидуального политического актора.

С точки зрения обоснования принимаемых политических решений, такое определение субъекта политики, или ЛППР¹, необходимо, ибо следует различать оценку ЛППР своих действий и решений как внутрисистемную, микросистемную оценку и то, что выражается в необходимости легитимирования, т.е. выведение, вынесение этой оценки за рамки ЛППР как микросистемы в среду «внешней», более емкой макросистемы. Явление легитимации власти, концептуализованное М.Вебером, состоит в своеобразной необходимости самовыражения власти, идущей не столько из природы власти, сколько из той макросистемы, в которую она включена и импульсы которой получает. И если ЛППР как микросистема объединяет в себе лиц, ведущих диалог относительно целесообразности принятия ими того или иного решения, т.е. участвуют в обосновании решения внутри своей системы, принимающей решения, то необходимость легитимации требует вступления ЛППР в диалог с «внешней средой» по поводу обоснования принимаемого им решения, которое распространяется на эту среду, причем это обоснование уже не мо-

¹По О.Ларичеву, «лицом, принимающим решение (ЛПР), принято называть человека или группу людей, осуществляющих выбор наилучшего варианта решения и несущих ответственность за этот выбор» (Ларичев О., Аналитические средства подготовки и принятия решений. Политик и общество, Независимый институт социально-исторических проблем. М., 1995, с. 89-98). Представляется, что ограничение процесса принятия решений одной из его стадий – стадией выбора наилучшего варианта решения, сужает возможности анализа всего процесса подготовки и принятия решения. Поэтому нами будет использоваться более емкая и, на наш взгляд, адекватная аббревиатура ЛППР как «лицо, подготавливающее и/или принимающее решение», включающая весь процесс принятия решения – от определения возникшей проблемы до разработки вариантов решения, вплоть до выбора и принятия наиболее адекватного решения.

жет избежать учета требований среды, или макросистемы. Слова президента США Б.Клинтона о том, что «недостаточно просто знать правильное решение, нужно еще его правильно преподнести»¹, красноречиво и метко отражают различие между «внутренним» и «внешним» обоснованием политических решений, а также их необходимую связь.

Различие между «внутренней» и «внешней» сферами обоснования политических решений зависит от многих факторов, прежде всего – от политического режима. Необходимость легитимирования собственных решений в условиях тоталитаризма носит символический характер, а потому «внешнее», или «публичное» обоснование решений имеет формальный, идеологически-ритуализированный характер. Демократическое общество, для которого характерна развитая сфера публичной политики и которое предполагает регламентированное участие масс в принятии политических решений (различные типы демократий предполагают свою особенную систему политического участия масс), является условием для совмещения оценок в системе «внутреннего» и публичного обоснования решений.

Разница между аргументами, приводимыми во внутрисистемном обосновании и в его публичном выражении, нередко бывает продиктована интересами неразглашения определенной информации, необходимостью ориентирования некоторых сведений на определенную аудиторию и т.д. Исходя из стратегических интересов, ЛППР может публично оглашать оценку, отличную от собственной, в расчете на определенный эффект.

Степень совпадения аргументов «внутреннего» и «внешнего» обоснования зависит также от того, в какой мере ЛППР осознает и оценивает необходимость привлечения к обсуждению решения «внешней аудитории». Как пишет Н.Костенко, «субъекты присоединяются к открытому обсуждению политических проблем по разным причинам. Только часть из них искренне следует задачам понимания и публичной доказательности собственной точки зрения – то есть во всей полноте реализует коммуникативное действие, для которого, по Хабермасу, искренность как субъективно осознанная свобода от аргументов власти и капитала, а также «правильность» высказываний согласно общепринятым нормам интеракции, являются столь же необходимыми составляющими, как и соотнесенность суждений с «объективной» реальностью, конкретной общественной ситуацией. Другая часть субъектов инструментально подходит к своему участию в публичной сфере, используя ее в стратегических целях. Бурдье в этом случае говорит о «непреднамеренном двуличии» политических выступлений, которые всегда двойственно де-

¹ Цит. по: Ушакин С., Речь как политическое действие, ПОЛИС, № 5, 1995, с.147.

терминированы необходимостью «служить одновременно эзотерическим целям внутренней борьбы и экзотерическим целям внешней борьбы»¹. Различие между аргументами, приводимыми во «внутреннем» и «внешнем» обоснованиях политических решений, зависит также от особенностей тех ценностей, которые приводятся в качестве аргументов-оснований.

***Аргументативные технологии публичного обоснования политики:
политические утопии и мифотворчество***

Итак, сегодня в цивилизованном мире ни одно важнейшее решение не может быть принято без соответствующего обращения к народу. Это относится также к «нецивильным» решениям, таким, как решение начать военные действия против другой страны, предпринять бомбардировку территории противника и т.д. (Парадоксально, но нецивильные решения очень характерны для цивилизованного мира.) Недавними примерами таких решений являются бомбардировки Косово в 1999г., военная кампания НАТО в Афганистане, вторая война в Ираке. Причем, оценки этих и подобных решений как «нецивильных» или, наоборот, «правильных и своевременных» также являются результатом восприятия людьми определенных риторических компонентов публичного политического преподнесения, убеждения, аргументации.

Однако, по сути, аргументация, предшествовавшая и сопровождавшая данные решения, почти совпадает как по форме (форма преподнесения и направленность), так и по содержанию (смысловые особенности доводов). В целом, анализ публичного преподнесения политиками решений (анализ выступлений, обращений и текстов, а также методов их преподнесения и адресации) позволяет выделить ряд аргументов, наиболее часто используемых политиками для обоснования собственных решений и обвинения оппонентов, причем можно заметить, что использование одних и тех же доводов в различных комбинациях, очередности и с различным «ударением» соответствует определенной «моде» политических дискурсов, где в тот или иной период развития событий на передний план выводится тот или иной аргумент, наиболее эффективный в данном конкретном контексте.

Первым типом аргументов политического обоснования следует считать всякого рода абстрактные идеи или утопии, которые, как правило, звучат очень убедительно, особенно в начальной стадии их использования. «Идейная история» человечества свидетельствует о том, что в различные периоды развития на передний план выдвигалась универсальная в простран-

¹ Костенко М., Медиа в выборах: ценностные ориентиры украинской политической прессы, ПОЛИС, №6, 1999, с.83.

ственно-временном плане и необходимая к исполнению некая «всеобщая идея развития». Такими идеями на протяжении истории являлись идея (идеал) свободы, равенства и братства, независимости, а более конкретно (менее утопично) – идея социализма, демократии, построения гражданского общества, и т.п.

Все эти и подобные идеи десятилетиями (веками) эксплуатировали и продолжают эксплуатировать массовое сознание, вводя людей в некое состояние заблуждения или социального гипноза, находясь в котором человек готов принять любое решение или действие властей, якобы направленное на достижение этой идеи. Причем, чем больше людей верит в данную идею, тем легче и эффективнее оперировать ею для достижения конкретных целей. В этом смысле политические спекуляции абстрактными идеями всеобщего благоденствия очень напоминают технику религиозного порабощения церковными догматами, которые, как известно, оправдывали далеко не только благие намерения и поступки. Колониальные походы крестоносцев во имя «Бога» – некое подобие современных военных кампаний Запада по защите и распространению демократии в так называемом «нецивильном» мире (Афганистан, Ирак). Причем, если раньше формальной целью походов провозглашалась необходимость борьбы с неверными и распространение «единственно истинной религии», то теперь это борьба с недемократическими режимами и распространение единственно истинной «демократии». В обоих случаях мы имеем дело с политическим популизмом, направленным на то, чтобы заполучить одобрение широких масс и, возможно, оправдать не столь благородные поступки в собственных глазах.

Оперирование политическими утопиями в целях снискания общественного одобрения и обеспечения требования публичности политики имеет в своей основе мифотворчество, характерное для ранних ступеней формирования и развития социума. Миф как некая общая, абстрактная идея, объединявшая людей в их происхождении, совместном проживании и деятельности, по своему содержанию был далек от реальности, хотя и содержал в себе некоторые рациональные объяснения. Неоспоримой ценностью мифа являлось то, что он объединял людей, упорядочивал их жизнь и место в природе и обществе, делал окружающую среду более предсказуемой. Благодаря мифическим представлениям люди знали, чего следует опасаться и к чему следует стремиться. Главное здесь не то, насколько правдивы были мифы, а то, что, вводя людей в заблуждение по поводу их происхождения и будущего, они все же формулировали «общие правила игры», внося рациональность и упорядоченность в их быт. В подобных случаях говорят: «Людям выгодно заблуждаться».

Сегодня, в контексте публичности современной политики, следует говорить о политическом мифотворчестве. Э.Кассирер, указывающий на сходство мифического в представлениях членов примитивных сообществ и современного общественного человека, пишет о том, что «миф достигает апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией... Такая потребность возникает только тогда, когда человек сталкивается с задачей, решение которой далеко превосходит его естественные возможности. В критических ситуациях человек всегда обращается к отчаянным средствам. Наши сегодняшние политические мифы как раз и являются такими отчаянными средствами. Когда разум не оправдывает наших ожиданий, то всегда остается в качестве *ultima ratio* власть сверхъестественного и мифического»¹. Автор, по существу, связывает явления политического мифа, его действенность скорее с иррациональными, нежели разумными началами в политическом сознании, с фактором веры в восприятии и принятии определенных идей и положений.

Аналогичным образом определяет политический миф С.Поцелуев, по сути, характеризуя его как разновидность политических утопий и вместе с тем как необходимый компонент политической коммуникации, сопровождающий и «символизирующий» проводимую политику. «Мифы издавна и повсеместно выступали первейшим средством социального управления, поскольку они поставляли символическую замену для логически недоступных (или психологически непереносимых) ответов на «проклятые» жизненные вопросы: «чего бояться?», «на что надеяться?». Посредством своих устойчивых смыслов миф направляет страхи отдельного человека в общую перспективу ожиданий и надежд, отводит ему строго определенную роль в коллективном сценарии поведения, освобождает «Я» от индивидуальной ответственности за свое несчастное положение. Тем самым миф внушает тотальную осмысленность и организованность социального бытия, а значит, упорядочивает социальную жизнь в целом. Это в полной мере характеризует и политические мифы современных демократических государств, к примеру, миф о «рациональном» голосовании на выборах или о «стране равных возможностей». Уход великих утопий и ослабление ранних религий отнюдь не означает исчезновения политической мифологии. Изменяются только «кухня» ее приготовления и способ потребления. В трудно разрешимых ситуациях современным политикам часто ничего не остается, как уподобляться архаическим магическим авторитетам: громко взывать к судьбе нации, таинственно

¹ Кассирер Э., Техника современных политических мифов, Вестник МГУ, Серия 18, Социология и политология, № 3. 1990, с. 59.

заклинать ее будущее и «продавать отплывающим в него попутный ветер»¹.

Действительно, среди факторов, порождающих политические мифы, важное место занимают нехватка информации и времени, стихийность и кризисность ситуации, эмоциональная насыщенность политических процессов и их восприятия. По мнению Н.Покровского, подобные факторы в условиях нестабильности общества как бы притягивают к себе те или иные мифы, появившиеся ранее в иных культурах, но в схожих политических условиях, а также сами порождают политические мифы². Однако, с другой стороны, политические мифы характерны не только для нестабильных, кризисных или переходных обществ. Они могут быть эффективными при относительно долговременных и стабильно функционирующих режимах, хотя в любом случае бывают в основном вызваны острой необходимостью легитимизации режима. Мифологизация и мифотворчество являются неотъемлемой частью сознания, в частности сознания политического, причем как на индивидуальном, так и на массовом уровне.

Своеобразную ценностную эволюцию прошло и продолжает олицетворять собой понятие «демократия». Это по-своему уникальное явление надеялось в истории политической мысли как высокоценностным, так и антиценностным значениями. Исследуя истоки подобной противоречивости в ценностной интерпретации данного понятия (и многих аналогичных осевых понятий), нельзя пройти мимо вопроса о том, какой изначальный смысл вкладывался в концептуальный состав термина «демократия» и как его содержание менялось в зависимости от понимания и реализации непосредственных идей, связанных с ним. Как пишет М.Ильин, «это слово могло означать и торжество бунтующей черни, и господство низких слоев населения, и участие всех граждан в делах полиса, т.е. в политике, и решающую роль народного собрания, и систему правления лицами, уполномоченными на это с помощью формальных процедур предоставления долгов.

С тех пор развитие концепта привело к еще большему его усложнению. Нынче словом демократия обозначаются и некий политический принцип, и разновидность политического режима, и определенная политическая культура, и, наконец, довольно неоднородный идеологический комплекс, даже некая мировоззренческая установка и жизненный стиль»³.

Разносторонность ценностного содержания демократии как понятия и как явления обеспечена не только постоянно менявшимися реалиями разви-

¹ Поцелуев С., Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме, ПОЛИС, № 5, 1999, с. 69.

² Покровский Н., Глобализация и конфликт, Вестн. Моск. ун-та, Сер. 18, Социология и политология, №2, 1999, с.17-36.

³ Ильин М., Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997, с. 317.

тия ее социально-политической, экономической, культурной, этнической, да и вообще цивилизационной предметности и восприятий, но и различием в интерпретациях на основе целой системы ценностно-целевых и идеологически-разнящихся политических течений-мировоззрений и соответствующих организаций-институтов. С одной стороны, демократия обладает «потенциалом политического мифа – самоочевидной исходной посылки»¹, с другой стороны, ее интерпретации объединяют как цивилизационные причины (основы развития самого явления, сопряженные с реальными возможностями и видами ее допустимых и недопустимых, эффективных и неэффективных проявлений со своими «плюсами» и «минусами»), так и идеологические интерпретации.

Более того, разнятся взгляды даже на одну и ту же демократию (т.е. на то, что обозначается данным понятием в рамках одной и той же политической системы с относительно стабильным развитием и устойчивым направлением). Так, изначально видя в политической системе США характерный, идеальный тип современной демократии, ученые в этой области далеко не сходятся во взглядах относительно определения американской демократии в ценностном измерении. Одно направление исследователей можно представить фигурой А.де Токвиля – человека, открывшего для себя американскую демократию и сделавшего это открытие достоянием последующих поколений. Согласно Токвилю, американская модель демократии представляет собой безусловную ценность и перспективна в своем развитии². Сегодня позитивно-аналитические теории и исследования демократии (транзитология) составляют большую часть работ в данной области. И большинство работ подобного толка явно или контекстно подразумевает под относительно достижимым идеалом демократии американский тип.

В этом контексте получают явное преимущество те решения, которые представляют собой часть демократических перемен. Обосновывая выбор того или иного решения, политик связывает его с необходимостью демократических преобразований – с совокупной ценностью, к которой должно стремиться любое уважающее себя современное общество, и представляет его как очередной, необходимый компонент этих преобразований. По существу, решение как некий политический шаг представляется в ценностном обосновании в качестве единицы-носителя общей ценности – демократии. Как правило, широко распространенным, особенно в западной политологии и практической аргументации, риторическим средством такого обоснования

¹ Ibid, с.319.

² де Токвиль А., О демократии в Америке. М., 1990.

является периодическое напоминание о недопустимости тоталитаризма в любых его проявлениях (в частности, американцы по сей день не забывают в подобных случаях говорить о недопущении возврата к тоталитаризму в его советском понимании). Механизм такого аргументативного приема можно представить следующим образом: выбору демократического курса противопоставляется возврат к тоталитаризму как единственная существующая альтернатива (уже здесь имеется явное несоответствие с реалиями мировой политической жизни, где имеются промежуточные и альтернативные политические системы, подчас функционирующие достаточно эффективно). Итак, если необходимо сделать обоснованный выбор, то недопустимость тоталитаризма указывает на неминуемый выбор – выбор демократии.

Следует выделить также иную группу теорий, в которых демократия представляется в негативном свете или, по крайней мере, оценивается скептически. Как правило, в подобных исследованиях объектом критики опять же становится американская демократия как наиболее состоявшаяся модель. Так, сторонники рыночной экономики и невмешательства государства в дела гражданского общества нередко апеллируют к недостаточной независимости экономического сектора в условиях демократии США. Такие ученые прежде всего указывают на порочность законодательной власти (парламента) в условиях демократии, где, по сути, решения принимаются в интересах определенных, ограниченных групп, представленных большинством в парламенте. Приводя слова Руссо, Ф.фон Хайек пишет: «... быть справедливым значит думать о всеобщем. Но большинству, принимающему ныне решения в законодательном собрании, подобные рассуждения, по-видимому, совершенно чужды. По логике нынешней демократии годится решение любого рода, лишь бы оно давало голоса в поддержку правительственных мер. Если суверенный парламент всемогущ и занят не только разработкой общих правил, то это означает, что мы по существу имеем произвольное правление. И что еще хуже, правительство в этих условиях не может (даже если хотело бы) следовать каким бы то ни было принципам: оно вынуждено раздавать специальные блага разным группам, потому что без этого ему не удержаться у власти. Выбор таков: или свободный парламент, или свободный народ. Чтобы сохранить личную свободу, нужно ограничить всякую власть – даже власть демократического парламента – долговременными принципами, одобренными народом»¹. Характерным примером негативного отношения к демократии как ценности является, в частности, труд известного американского ученого М.Паренти «Демократия для немногих»². Само заглавие книги говорит о

¹ Хайек Ф., Общество свободных. London, 1990, с. 155.

² Паренти М., Демократия для немногих. М., 1990.

несовпадении призвания демократии, ее понятийного значения как «народовластия», с тем, что она является ценностью лишь для немногих. М.Паренти, в частности, подвергает критике президентскую власть США, конгресс, конституцию («конституция для меньшинства»), всю законодательную систему, социальный сектор (здравоохранение, социальное обеспечение, образование), работу СМИ и т.д. Все они рассматриваются как выразители частных интересов правящей политической элиты и олигархов (зачастую объединенных в одном лице) под прикрытием демократии.

Одной из современных критических работ по американской демократии является книга главного редактора американского журнала «*Newsweek International*» Фарида Закарии под названием «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами», в которой автор критикует состояние демократии в своей стране, где, по его мнению, за демократией уже давно не видно свободы: демократический строй может не означать наличие свобод, и это – очередной парадокс демократии. В частности, Ф.Закария пишет: «Странно, что Соединенные Штаты столь часто выступают за неограниченную демократию за рубежом. Американская система характеризуется не демократичностью, а именно недемократичностью, поскольку в ней существуют разнообразные ограничения прав большинства избирателей. Ведь Билль о правах является, по сути дела, перечислением того, чего правительству делать нельзя, каковы бы ни были пожелания большинства населения. Важнейшую из трех ветвей власти в Америке представляет Верховный суд, состоящий из девяти назначенных судей, пребывающих в своей должности пожизненно. Сенат США – самая непредставительная верхняя палата парламента в мире, если не считать британской Палаты лордов, не обладающей серьезными полномочиями и находящейся на пороге реорганизации. Каждый американский штат, вне зависимости от численности населения, направляет в Вашингтон двух сенаторов. Таким образом, 30 миллионов жителей Калифорнии имеют в Сенате такое же представительство, как и 3,7 миллиона жителей Аризоны; это никак не соответствует [демократическому] принципу «один человек – один голос»¹.

Позитивное значение подобного критического подхода к понятию «демократия» в его риторическо-манипулятивном значении заключается прежде всего в том, что не следует возводить в ранг политического идола ни одну идею, которая способна стать аргументом в пользу противоположных действий. Под эгидой демократии могут приниматься как демократические, так и недемократические решения. Обратному эффекту способ-

¹ Закария Ф., Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004, с. 11-12.

ствует, в частности, стереотипизация идеи, приводимой в качестве аргумента обоснования политического решения.

Можно сказать, что политические мифы типа демократии, социализма, арийства и т.д., имеющие при определенных условиях максимальный аргументативно-легитимирующий эффект, как бы «кочуют» от одной культуры к другой, от эпохи к эпохе, когда создается благоприятная почва для возрождения мифа. Так, во многих постсоветских республиках наблюдалось, с одной стороны, прививание мифов, характерных для западноевропейской культуры (в основном связанных с возможностями демократизации и построения гражданского общества, рыночных реформ и либерализации, межгосударственной интеграции и т.п.); с другой стороны, происходило возрождение национальных мифов, особенно в первые годы независимости, где героическое прошлое народа играло основную роль. Вспомним возрождение и всплеск манипулирования именами армянских национальных героев в период подготовки и провозглашения независимости, а также карабахской войны (1988-1994). В эти годы были возрождены и активно эксплуатировались имена полководца Андраника, Гарегина Нжде, других героев и лидеров армянского народа. Использование их имен нередко служило риторическим средством пришедших к власти политических элит для убеждения и мобилизации масс, и, как мы помним, подобное манипулирование общенациональными символами и фамилиями, историческими фактами и лозунгами производило сильный эффект. Аналогичное эксплуатирование общенациональных символов в политических целях происходило во всех республиках и странах, стремившихся к независимости, в том числе на территории бывшего СССР в период его развала.

На важнейшие социальные функции мифов в политическом выражении указывает А.Дернер. По мнению ученого, политический миф создает коллективную идентичность, сплоченность членов общества. Благодаря этому, социум как сообщество получает свою непрерывность (тождественность, гомогенность). Кроме того, политический миф как компонент политического сознания создает чувство приверженности членов к данному социуму. А.Дернер пишет, что политические мифы в определенной мере формируют политическое сознание, воздействуют на мышление и действия людей, мобилизуют; они «конструируют политические реалии также и в том смысле, что отчеканивают предрасположенность индивидов к действию, т.е. постепенно исключают определенные альтернативы из спектра возможных реакций. Таким образом, миф формирует не только восприятие, но и, что более важно, направляет в определенное русло эмоциональные энергии,

зачастую преодолевая наличные моральные и цивилизационные барьеры. Если конкретная историческая ситуация воспринимается через очки мифического, то достаточно элементарные примеры реакции – как, скажем, гибель людей – могут переживаться произвольно и вместе с тем как логичные и осмысленные»¹.

Велика роль мифа в поддержании коммуникативных связей между политическими элитами и массами. Л.Санистебан подчеркивает значимость мифа в коллективном, массовом сознании и поведении. «Политическое действие, в котором участвуют широкие массы, как правило, имеет в своей основе миф, т.е. веру в будущее, что объясняет решительное и даже героическое поведение многих людей. Каждое крупное политическое движение предлагает свой миф, принимаемый как надежда, наполняющая смыслом коллективное действие. Без мобилизующего мифа у людей и масс не было бы воодушевления, столь необходимого для крупных свершений, предполагающих безусловное самопожертвование. Политическое действие требует абсолютной веры в конечную победу, т.к. иначе трудно обеспечить мотив коллективного поведения многих людей»².

Фактор веры в восприятии и принятии политического мифа в качестве основания политических действий и решений, безусловно, превалирует в том плане, что для полной и адекватной реализации программы необходимо верить в ее успешность. Вера в реализуемость, целесообразность, правильность проводимых реформ, намеченного курса сопровождала все великие (как в положительном, так и в отрицательном смысле) свершения. Личная и массовая вера требуется и сегодня, в период демократических реформ как политического, экономического, социального выбора. Безусловно, гипотетичность, вероятностный характер глобальных политических перемен нуждается в замещении отсутствия абсолютных гарантий фактором веры. Однако в индивидуальном и массовом политическом сознании политические мифы закрепляются прежде всего благодаря демонстрации реальных примеров – фактов и событий, свидетельствующих о «подлинности» политического мифа и его следствий. Вера, сопровождаемая знаниями и убеждениями, становится сознательной уверенностью.

Политические мифы имеют как массовую природу (т.е. возникают в массовом сознании, на обыденном уровне представлений о политических лидерах и процессах), так и производятся «сверху» в том смысле, что некое

¹ Dörner A., Die Inszenierung Politischer Mythen. Ein Beitrag zur Funktion der Symbolischen Formen in der Politik am Beispiel des Hermannsmythos in Deutschland, Politische Vierteljahresschrift, № 34, Heft 2, 1993, p. 202.

² Санистебан Л., Основы политической науки. М., 1992, с. 55.

политическое действие-решение сопровождается его авторами умышленной мистификацией и мифологизацией, ориентированной именно на массового «потребителя». Такое обоснование включает сильный эмоциональный компонент – приукрашенность, восторженность преподнесения или, напротив, трагичность, стрессовость и решимость к борьбе.

Публичное преподнесение политики: морализаторский подход

Публичное преподнесение, обоснование, оправдание политиками собственных решений зачастую носит морализаторский характер. Морализаторство в политике – это, в частности, определение и преподнесение политических действий и решений как моральных, гуманных, соответствующих морально-нравственным императивам и, соответственно, приемлемых и правильных. Причем, в сфере публичной политики моральными могут быть названы как гуманные, так и негуманные, военные решения. Вспомним, к примеру, публичное обоснование необходимости бомбардировки Косово (1999г.). Сторонники военного решения, лидеры стран-членов НАТО, называли свое решение высокоморальным, ибо, по их мнению, подобное решение естественно возникает из приверженности каждого цивилизованного государства нормам демократии, а также из ответственности ведущих политиков за сохранение и защиту прав человека во всем мире. «Не за территорию, за ценности мы боремся», – сформулировал это положение британский премьер-министр Т.Блэр. «Военный гуманизм» – так социолог Улрих Бек назвал феномен, когда война направлена на продолжение морали другими средствами» [25]. Члены блока НАТО исходили из своего морального долга защиты прав человека, в частности этнических албанцев, посчитав необходимым бомбовые удары. Например, министр обороны ФРГ Р.Шарпинг говорил о том, что «на Балканах речь идет, конечно, не о нефти или о сырье. То, что мы сейчас делаем, происходит из-за наигрубейшего нарушения прав человека и прав жизни»¹.

Будучи нормативным регулятивом наиболее широкого, универсального действия, мораль издавна и традиционно включена в систему нормативных детерминант политической деятельности. Однако одно из основных различий политики и морали заключается, на наш взгляд, в том, что политическая направленность в большинстве своем узкоцелевая, когда как мораль гуманна, всеобща. По существу, моральные принципы – это идеалы, которых никогда не достичь, но к которым всегда необходимо стремиться. Насколько

¹ *Scharping R., Wir kommen unserem Ziel näher, Der Spiegel, № 17, 1999, p.26.*

политика в своих проявлениях стремится к морально-нравственным идеалам, теоретически сформулировано в виде трех моделей взаимодействия политики и морали [4]:

- морализаторский подход – утопии, в соответствии с которыми политика должна быть моральной не только в своих целях, но и в избираемых ею средствах. С точки зрения проблемы обоснования моральные аргументы должны в любом случае превалировать над всеми остальными. Однако, как справедливо замечают авторы, «...жизнь показала, что попытки полностью подчинить политику нравственности в духе морального абсолютизма обрекают ее на неэффективность и тем самым компрометируют и мораль, и политику»¹;
- подчинение морали политике на основании превосходства политической целесообразности над моральной оправданностью, трактовка морали в соответствии с политической необходимостью (по существу, наиболее объективный подход, отражающий реальное положение дел);
- разграничение политики и морали, что, собственно говоря, означает отрицание роли моральных императивов в детерминации политики и политических решений. Этой концепции соответствуют широко распространенные в народе и в среде политической элиты представления о «грязной политике», о ее аморальности и т.д. Причем, по этому поводу существует два противоположных подхода, связывающих безнравственность политики или с политиками, которые «в большинстве своем аморальны» и делают таковой политику (в основном, мнение народа), или с сущностью, природой политики, которая вне зависимости от конкретных представителей успешна, поскольку аморальна (в основном, мнение известных представителей политической элиты). «В свое время кто-то предложил следующее определение: политический деятель – это лицо, получающее голоса от бедных и деньги от богатых за обещания защищать их друг от друга. А президент Джимми Картер заметил: «Политическая деятельность – вторая древнейшая в мире профессия, состоящая в близком родстве с первой»².

Реальность в основном демонстрирует нечто среднее между поглощением политики моралью с одной стороны, и отказом политики от морали – с другой. Можно сказать, что всегда имеется то или иное манипулирование моралью в политике, и это необходимая часть самой политики. Однако, с

¹ Лугачев В., Соловьев А., Введение в политологию. М., 2000, с. 57.

² Паренти М., Демократия для немногих. М., 1990, с. 25.

другой стороны, политика как деятельность и как реальность всегда имеет моральную сторону, всегда подвергается морально-нравственным оценкам как со стороны общества, так и самими политиками.

Существует точка зрения, согласно которой, моральная оценка политики самими политиками не может быть оправдана прежде всего с позиции самой морали, иначе это демагогия. Иными словами, если политик, преподносящий свое решение, называет его высоко-моральным, расхваливает его, преподносит его с лучшей стороны, то подобные действия сами по себе уже противоречат морали, являются аморальными, а политик, расхваливающий свое решение, должен считаться демагогом. С этой позиции следует определить как демагогию публичное обоснование, оправдание политиками собственных решений. В частности, подобным образом рассматривается вопрос о моральном оправдании насилия, которое, как известно, является неотъемлемым атрибутом государственной власти и государственной воли, легитимным средством осуществления государственного управления¹. Выходит, что демагогия является неотъемлемым атрибутом демократии, ведь демократия предполагает преподнесение политиками своих решений, законопроектов, реформ широким массам, и, разумеется, ни один политик не станет критиковать свое решение, иначе какой смысл предлагать его для принятия.

Что касается средств осуществления и закрепления морали в политической жизни, то этот вопрос ставится в непосредственную зависимость от морального арбитра, а также затрагивает проблему допустимости/недопустимости использования аморальных средств для защиты высокоморальных целей. На сегодня можно констатировать наличие следующей системы: если поставленная цель высокоморальна (во всяком случае, оценивается как таковая), то ради ее достижения допустимо использование (в определенных пределах) антигуманных средств, в частности – военных. По-видимому, в этом традиции политики неизменны.

Итак, взаимоотношение политики и морали реализуется, кроме всего прочего, в процессе морального обоснования политики. Можно с уверенностью сказать, что предъявление к политическим действиям и решениям морально-нормативных оценок является прежде всего политической необходимостью, своеобразным показателем гуманности, человечности произвольной на первый взгляд политической деятельности; на обыденном уровне общественного сознания моральные аргументы воспринимаются, пожалуй, наиболее легко и адекватно. Причем, если наиболее обоснованным, целесообразным решением можно считать то, которое охватывает реализацию макси-

¹ Вебер М., Избранные произведения. М., 1990, с. 645-666.

мально широких групп интересов, при этом не ущемляя интересы других, то морально обоснованные решения претендуют на наиболее адекватное выражение всеобщности интересов в них. Моральность решения как бы подтекстно означает одинаковую моральность вне зависимости от узкогрупповых интересов, что, безусловно, объединяет в соответствии с интегративным эффектом аргументации. Решение, определяемое как моральное, претендует на соответствие высшей, всеобщепризнанной справедливости и, параллельно, бросает легкую «тень» гуманности на имидж самого политика. Действительно, принимающий моральное политическое решение деятель вне зависимости от реального содержания морали в нем, как бы отмахивается от досужих доводов об аморальности, «грязной» природе политики и политиков.

Аргументы-факты в политической риторике

Не менее важным и популярным в политическом дискурсе аргументом является использование политическими лидерами тех или иных фактов (назовем их аргументы-факты, или фактологические аргументы), из наличия которых следует необходимость определенных действий. Прибегая к демонстрации фактов, политики пытаются обосновать необходимость собственных действий, вызванных реальной, фактической необходимостью. Их действия совершаются как бы в ответ на то или иное событие или явление социально-политической жизни. Причем, в большинстве случаев ответом политиков являются действия и решения, направленные на ликвидацию и пресечение подобных фактов.

Логика использования аргументов-фактов соответствует индуктивному пути рассуждения (от частного факта – к общему выводу), в отличие от предыдущего типа аргументов-идей, где необходимость принятия того или иного решения выводилась из более общего положения-идеи, соответствующая дедуктивному способу рассуждения (от общего – к частному).

Современными примерами обоснования политических действий и решений при помощи аргументов-фактов являются кризисные ситуации, в которых наличие фактов, требующих незамедлительных решений, демонстрируется особенно красноречиво. Так, в преддверии косовских бомбардировок 1999г. руководители стран-членов НАТО особенно активно использовали аргумент о наличии в Косово гуманитарной катастрофы, которую, по их мнению, следовало незамедлительно остановить военными действиями против сербской стороны. Так, канцлер ФРГ Г.Шредер прокомментировал ситуацию следующим образом: «Мы стоим перед задачей: положить конец гуманитарной катастрофе, которая в Косово в самом разгаре, или, по мень-

шей мере, преградить ей путь. По сегодняшним подсчетам, имеется около 700-750 тысяч человек, которые являются беженцами. Происходят зверства, которые превосходят все, что произошло в Европе за последние 50 лет. Совершается систематически спланированная депортация части югославского населения. Здесь диктатор ведет войну против собственного населения, в часе полета от нас, и мы еще стоим перед вопросом: смотреть и ничего не делать или принять решение, которое мы приняли?»¹.

Аргументы-факты типа наличия гуманитарной катастрофы действуют особенно эффективно, т.к. имеют наглядный, иллюстративный характер (в отличие от аргументов-идей, которые невозможно адекватно проиллюстрировать). Наглядность аргументов-фактов сопровождается активным эмоциональным контекстом, доставляя сообщение не только и не столько до разума, сколько до чувств реципиента. Так, факт наличия в регионе гуманитарной катастрофы демонстрируется в СМИ потоками беженцев, окровавленными трупами, взорванными домами и транспортными средствами, показом голодающих и обездоленных людей. После показа подобных картин факт наличия гуманитарной катастрофы становится мощным доводом в пользу адекватности жестких действий.

Другим эффективным фактологическим аргументом современного политического дискурса является терроризм. Несмотря на то, что данный термин в научно-политической литературе пока что не получил однозначного и корректного определения, в политической практике он закрепился достаточно основательно, став одним из наиболее модных слов сегодняшнего политического лексикона. «Террорист» выступает в роли «козла отпущения», на которого валятся все обвинения, причем, нередко политикам просто выгодно объяснять свои собственные ошибки и промахи внезапным появлением некоего виртуального террориста, злого гения, мешающего всем «честным людям». В современной международной политике образ террориста в лице отдельных личностей и целых государств приобрел статус самостоятельного, равноправного политического актора, причем не столько благодаря действиям террористов, сколько в результате популяризации этого образа усилиями традиционных политических субъектов и СМИ. Сегодня о террористах знают все, причем одно и то же.

В этом плане интересны результаты соответствующих опросов², которые выявили следующее: люди в основном дают определения понятия «терроризм», «террористы» и т.п., основываясь не на знании, а на личных ассо-

¹ Schröder G., Ich bin kein Kriegskanzler, Der Spiegel, № 15, 1999, p. 32.

² Олшанский Д., Психология террора. М., 2002, с. 11-12.

циях и впечатлениях. Причем нетрудно заметить, что под терроризмом люди в основном понимают международный терроризм, во всяком случае, их ассоциативные ответы свидетельствуют именно об этом («терроризм» как события 11-го сентября в Нью-Йорке, взрывы домов, действия арабский смертников и т.д.), между тем, как известно, терроризм имеет не только внешние, но и внутренние причины, как военные, так и иные, например, информационно-психологические проявления.

В этом плане интересно проследить, что сделано на законодательном уровне для закрепления определенного понимания понятия и явления «терроризм» и выражения официальной позиции по данному вопросу. В последнее десятилетие принят ряд государственных законов и заключен целый ряд межправительственных договоров, выражающих стремление стран-участниц совместными силами бороться против терроризма и оказывать взаимопомощь для наиболее эффективного достижения поставленных целей. Причем, похоже, что антитеррористическое сотрудничество стран сегодня следует считать наиболее важным направлением их взаимодействия, «задающим тон» межгосударственным отношениям в принципе. Об этом резком повороте современной международной политики наиболее характерно свидетельствуют неоднократные заявления президента РФ Путина по поводу возможной и даже ожидаемой отрицательной реакции России на недавнюю войну США и Великобритании в Ираке. Путин заявлял, что антитеррористическое сотрудничество России и США имеет первостепенное значение в деле построения новых партнерских взаимоотношений между этими странами и ничто не должно помешать этому. Создавалось впечатление, что в контексте антитеррористического сотрудничества США и России последней нужно научиться «закрывать глаза» на некоторые действия партнера, не столь приятные для России.

Данный факт делает аргумент борьбы с терроризмом и конкретными террористами универсальным политическим средством. Сегодня фактом наличия террористов в том или ином государстве можно обосновать любую жесткую меру по отношению к этому государству и правительству.

И опять же необходимо предостеречь от возможных в подобных случаях манипуляций. Сегодня некоторые политики пытаются решить собственные проблемы, обвинив оппонента по международным делам в том, что тот-де скрывает у себя террористов, содействует им, размещает на своей территории базы террористов, направляет их в другие государства для подрывной деятельности и т.п. Доказательствами подобных обвинений не всегда являются прямые факты. Нередко демонстрируются косвенные улики,

имеющие вероятностный характер. Так, нахождение у человека оружия может быть расценено как доказательство того, что он является террористом и использует его с целью массовых убийств. Как известно, оружие человеку можно подбросить. Точно так же можно показать по всем телеканалам специально, заблаговременно созданный «своими», а затем «случайно» найденный где-то в лесу склад оружия, якобы принадлежащий террористам и свидетельствующий об их присутствии.

Между тем, сегодня аргумент о присутствии террористов на территории того или иного государства становится достаточным основанием для соответствующих действий против этого государства (заметим, не против конкретной террористической группы). В таких случаях предполагается, что если на территории государства обнаружены следы террористов и их деятельности, значит, государство содействует им, укрывает их, оказывает им всяческую помощь и т.д. Отсюда – происхождение нового термина «террористическое государство», каковым нарекается ряд стран, в том числе Афганистан, Ирак, Иран, Сирия, Палестина. Обозначая то или иное государство как «террористическое», политические лидеры создают официальное обоснование своим действиям в отношении данного государства. Причем, как это было в случае американо-британской кампании в Ираке, обоснование данного решения аргументом иракского терроризма, по словам самих союзников (теперь уже постепенно получающих широкую огласку), лишь искусно скрывало реальные мотивы лидеров США и Великобритании, которые, заметим, испокон веков имели в Ираке стратегические интересы.

Что бы ни говорили российские политики по поводу проникновения чеченских террористов на территорию Грузии через Панкисское ущелье, россияне утверждали это не без выгоды: на фоне постепенной утери российских стратегических опор в Грузии (в частности российских военных баз) предложение российской стороны оказать военную помощь Грузии в борьбе с чеченскими террористами теперь уже на грузинской территории позволило бы России установить там свой военный пункт (помогая Грузии, помогают себе). Это было бы невозможно сделать, если бы не террористы. Как известно, инициативой воспользовались американцы, перехватив и разыграв карту с террористами в свою пользу: России было отказано, а в Грузию приехали натовские военные специалисты. И опять же: для их приезда не могло быть лучшего повода, чем необходимость борьбы с терроризмом.

Однако если проанализировать американо-британскую аргументацию в пользу бомбежки Ирака и свержения режима Саддама Хусейна, то можно обнаружить риторические компоненты, очень характерные с точки зрения

манипуляторства общественным сознанием. Причем, публичные обращения лидеров этих стран (в частности, Джорджа Буша и Тони Блэра) были направлены как на внутреннюю, так и на внешнюю аудитории. Известное «Обращение к нации» президента Буша (29. 01. 2003) транслировалось по всему миру. Кроме того, текст выступления содержит призывы и доводы, адресованные собственному народу, народу других стран (неопределенной аудитории), народу Ирака, а также лично Саддаму Хусейну и его окружению.

В этом пятнадцатиминутном выступлении аргумент «терроризм» играет основную, связующую роль. Логическая схема обоснования необходимости военной акции в отношении Ирака выглядит следующим образом:

1. В борьбе с террористами и терроризмом следует применять военную силу;
2. В Ираке обнаружены терроризм и террористы (в лице Саддама Хусейна);
3. Следовательно, в Ираке следует применить военную силу.

Нетрудно заметить, что связующим звеном данного силлогизма является «терроризм и террористы». В своем обращении президент Буш делает акцент не столько на первую посылку силлогизма («В борьбе с террористами и терроризмом следует применять военную силу» – данное положение на сегодняшний день можно считать достаточно разработанным и приемлемым со стороны мирового сообщества), сколько на вторую (наличие в Ираке терроризма и террористов). Итак, если мировое сообщество в принципе согласено с тем, что с терроризмом и террористами следует бороться военными средствами, то главным условием одобрения военной акции против Ирака является то, что там процветает терроризм. Именно это Буш и попытался доказать в своем выступлении.

В пособничестве терроризму Буш обвиняет хуссейновский режим и лично Саддама Хусейна: «Режим (Хусейна) имеет историю дерзких агрессий на Ближнем Востоке... Он продолжает помогать террористам, обучать их и давать им убежище, включая боевиков Аль-Каиды. Существует явная опасность использования химического, биологического, а в один прекрасный день – и атомного оружия, созданного с помощью Ирака; террористы смогут осуществить свои высказанные намерения, уничтожить тысячи и сотни тысяч невинных людей в нашей или любой другой стране».

И далее: «Если Саддам Хусейн будет пытаться удержаться у власти, он до конца останется нашим главным врагом. В отчаянии он и террористические группы способны предпринять террористические операции против аме-

риканцев и наших друзей. Эти атаки не являются неизбежными. Однако они возможны. Этот факт подчеркивает причину того, что мы не можем жить в условиях угрозы шантажа. Террористическая угроза Америке и всему миру будет ликвидирована, как только Саддам Хусейн будет разоружен».

Интересно заметить, что «Обращение к нации» содержит отдельные призывы к американскому народу, а также к иракскому народу, причем эти призывы существенно отличаются друг от друга. Так, американский народ изображается в качестве того мессии, который призван бороться со злом и на которого направлены действия террористов: «Если Саддам Хусейн предпочтет конфронтацию, то американский народ может знать: следует предпринять любые меры для избежания войны, и любые меры будут предприняты для победы в войне». И далее: «При нападении на нашу страну враги попытаются подвергнуть нас панике и ослабить наш дух с помощью ужаса. Именно в этом они проиграют. Ни одно их действие не способно изменить курс и цели этой страны. Мы – миролюбивые люди, но это не означает, что мы слабы, нас не смогут запугать бандиты и убийцы. Если наши враги попытаются напасть на нас, то они и все те, кто им помогает, очень пожалеют об этом». Как видим, Америка в лице американского народа объявляется той силой, которая призвана бороться с терроризмом и способна его уничтожить.

В обращении президента ясно очерчивается риторический компонент, адресованный иракскому народу. В нем иракский народ показывается как невольная, слабая жертва собственного диктаторского режима. На этом фоне Америка выступает как освободительница: «Многие иракцы могут слышать меня сегодня по радио, и у меня есть сообщение для них. Если мы должны будем начать военные действия, то они будут направлены на незаконного правителя вашей страны, но не на вас. Как только наша коалиция свергнет его, мы доставим вам пищу и медикаменты, в которых вы нуждаетесь. Мы свергнем аппарат террора и поможем вам построить новый Ирак, свободный и процветающий. В свободном Ираке больше не будет войн и агрессий против ваших соседей, не будет вредных заводов, больше не будет судов над диссидентами, камер пыток и комнат насилия. Скоро тиран уйдет. Близок день вашего освобождения».

Особое место здесь занимает призыв Буша к иракским военным, которых президент США пытается убедить сотрудничать с коалиционными силами и не сражаться за диктаторский режим: «Для Саддама Хусейна слишком поздно, чтобы оставаться у власти. Однако, еще не слишком поздно для иракских военных, чтобы поступить достойно и защитить вашу страну, позволив коалиционным силам мирно войти в страну с тем, чтобы ликвидиро-

вать оружие массового поражения. Наши вооруженные силы дадут иракским военным подразделениям четкие инструкции действий, предприняв которые, те смогут избежать атак и уничтожения. Я призываю каждого представителя иракских вооруженных сил и разведки: если начнется война, не сражайтесь за умирающий режим, который не стоит ваших жизней».

Интересно заметить, что в речи Буша роль вооруженных сил Ирака сводится к защите лично Хусейна, что естественным образом делает отказ от этой роли более легким и даже похвальным. Между тем, в действительности иракским вооруженным силам предлагается не защищать свою страну, сдать ее нападающим, т.е. предать. Однако по форме обращение Буша к иракским военным выглядит как «военный гуманизм».

Таким образом, публичное обоснование политики и политических решений сегодня является неотъемлемой частью политического процесса и политического дискурса. Будучи сложным и многоплановым коммуникативным процессом, обоснование политики обретает все новые и новые технические и технологические возможности, средства достижения больших, отдаленных и разноплановых аудиторий. Однако, что не менее важно, появляется возможность универсального и вместе с тем специфического воздействия на «сердца и умы» людей с целью «продолжения политики аргументативными средствами».

Источники и литература

1. *Атанесян А.*, Коммуникативные аспекты политических конфликтов. Ер., 2005.
2. *Атанесян А.*, Обоснование в принятии политических решений: подходы к проблеме, Человек-Сообщество-Управление (Журнал Кубанского госуниверситета), N 4, 2003.
3. *Атанесян А.*, Обоснование в принятии политических решений. Ер., 2002.
4. *Беляев, А. А. (1997)*. Политика как общественное явление, В сб.: *Жуков, В. И., Данченко, В. Т., Краснов, Б. И. и др. (ред.)*. Общая и прикладная политология (гл. 5, сс. 59-80). М.: МГСУ "Союз".
5. *Вебер М.*, Избранные произведения. М., 1990.
6. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
7. *Запасник С.*, Ложь в политике, Философские науки, № 8. 1991.
8. *Ильин М.*, Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
9. *Кассирер Э.*, Техника современных политических мифов, Вестник МГУ, Серия 18, Социология и политология, № 3. 1990.
10. *Костенко М.*, Медиа в выборах: ценностные ориентиры украинской политической прессы, ПОЛИС, №6, 1999.

11. *Ларичев О.*, Аналитические средства подготовки и принятия решений, Политик и общество, М., 1995, с. 89-98.
12. *Ольшанский Д.*, Психология террора. М., 2002.
13. *Паренти М.*, Демократия для немногих. М., 1990.
14. *Покровский Н.*, Глобализация и конфликт, Вестн. Моск. ун-та, Сер. 18, Социология и политология, №2, 1999.
15. *Поцелуев С.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме, ПОЛИС, № 5, 1999.
16. *Пугачев В., Соловьев А.*, Введение в политологию. М., 2000.
17. *Санистебан Л.*, Основы политической науки. М., 1992.
18. *Сморгунов Л.*, Сравнительная политология. Теория и методология измерения демократии. СПб., 1999.
19. *де Токвиль А.*, О демократии в Америке. М., 1990.
20. *Ушакин С.*, Речь как политическое действие, ПОЛИС, № 5, 1995.
21. *Хайек Ф.*, Общество свободных. London, Overseas Publications Interchange Ltd. 1990.
22. *Швери Р.*, Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм?, Вопросы экономики, N 7, 1997.
23. *Яценко Н.*, Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.
24. *Allison G., Zelikow Ph.*, Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. New York, 1999.
25. *Darnstädt, T., Follath, E. (1999). "Krieg für das gute Gewissen". In: Der Spiegel 17, S. 32-38.*
26. *Dörner A.*, Die Inszenierung Politischer Mythen. Ein Beitrag zur Funktion der Symbolischen Formen in der Politik am Beispiel des Hermannsmythos in Deutschland, Politische Vierteljahresschrift, № 34, Heft 2, 1993.
27. *Scharping R.*, Wir kommen unserem Ziel näher, Der Spiegel, № 17, 1999.
28. *Schröder G.*, Ich bin kein Kriegskanzler, Der Spiegel, № 15, 1999.